

Вацлав ГАВЕЛ:

МЫ ТОЛЬКО В НАЧАЛЕ ПУТИ

Сегодня ожидается прибытие в Москву с официальным визитом Президента ЧСФР Вацлава Гавела. В канун визита принято публиковать биографическую справку высококого государственного гостя. Напомним и мы главные вехи в жизни Вацлава Гавела: родился в 1936 году, техник сцены в театре «АБЦ», ассистент режиссера и драматург театра «На забрадли». Тоталитарный режим пытался вытравить из общества его драматургию, наложив вето на постановку его пьес. Более того, режим четырежды подвергал его тюремному заключению. Но одного из авторов знаменитой «Хартии-77», страстного публициста, талантливого драматурга полностью изолировать от общественной жизни не удалось. Наоборот, авторитет Вацлава Гавела рос и выразился в единодушное его избрание президентом страны после бархатной революции 1989 года.

Последняя книга Вацлава Гавела, сокращенный отрывок из которой мы публикуем, называется «Летние размышления». Она сразу же заняла в Чехословакии первое место по популярности. «Эта книжка, — пишет автор в предисловии, — не сборник эссе и тем более не политологический труд. Это всего лишь серия спонтанно написанных заметок о том, какой я вижу эту страну, ее сегодняшние проблемы, каким вижу ее будущее...»

Всю свою сознательную жизнь я относился официальными властями к «разряду правых», стремящихся возвратить в нашу страну капитализм. Сегодня — ни с того ни с сего — я кое-кем подозреваю в левых взглядах, если не впрямую в социалистических убеждениях. Кем же я в данном случае являюсь?

Прежде всего и главное: никогда в жизни я не отождествлял себя с какой-либо идеологией, вероучением или доктриной, правой, левой или иной, так же как с какой-либо готовой и замкнутой системой учения о мире. Наоборот, я всегда стремился судить обо всем собственным разумом, неподвинутому и всегда жестко сопротивляясь любой попытке включить меня в ту или иную обойму, любой попытке облегчить себе жизнь принятием раз и навсегда готового набора взглядов, которые кто-то составил до меня...

Я не утверждаю, что всегда был прав, или что я всегда прав сегодня. Но если я ошибаюсь, то это всего лишь следствие моей ограниченной проницательности, невнимательности, недостатка образования или общей неспособности, но ни в коем случае не идеологического ослепления или фанатизма. Поэтому для меня несложно сменить взгляды, если я обнаружу, что ошибаюсь.

Я отказываюсь и всегда отказывался относить себя к правым или левым. Я нахожусь вне этих политических и идеологических фронтов и не завишу от них... Я могу себе представить,

что один из моих взглядов может показаться левым, а другой, наоборот, — правым, но это мне, честно говоря, совершенно безразлично. А больше всего мне противно сказать о себе, что я стою в «центре». Так топографически себя определять мне кажется, совершенно абсурдно (тем более, что предполагаемое расположение в центре полностью зависит от угла взгляда смотрящего).

Такая позиция сегодня не слишком популярна... Быстрая политическая кристаллизация общества ведет сейчас к тому, что все стремятся сами себя «топографически» определить: каждый день мы можем прочесть в газете, что тот или другой политик, та или иная партия находится справа или слева, слева от центра или справа от него... Я же на самом деле даже не чувствую сегодня потребности таким образом самого себя локализовать, мне кажется, что любая такая попытка была бы только уступкой сегодняшней моде, которая бы априори ограничивала мою свободу, к чему-то или к кому-то меня привязывала, ничего определенного не говоря о моих взглядах.

Когда-то я о себе говорил, что чувствую себя социалистом. Этим я себя не идентифицировал с какой бы то ни было конкретной экономической теорией или концепцией (и меньше всего с представлением, что все должно быть государственным и плановым), этим я только хотел сказать, что мое сердце находится, как говорится, слева...

Я уже давно не говорю о себе, что я социалист. Не потому, что мое сердце со временем сменило свое место, а потому, что это слово — особенно в нашем языковом контексте — скорее путает, чем выражает что-то точное...

В то же время я никогда не сказал и не написал о том, что я за капитализм или что я хочу его у нас ввести. Причина, по которой я избегаю этого слова, та же: капитализм — это марксистски расширенная и опошленная идеологическая категория, и я не знаю, почему я ее должен принимать...

Так же, как мое сердце было всегда слева от центра моей груди, я всегда знал и то, что единственная действующая и вообще возможная экономика — это экономика рыночная. Это означает экономик, в которой кто-то за все конкретно отвечает, в которой существуют в рамках закона абсолютная самостоятельность и плюрализм экономических субъектов и чье развитие регулируется прежде всего рынком. Только такая экономика естественна, имеет смысл и может вести к процветанию, потому что только она отвечает законам жизни. А жизнь в самой своей основе бесконечна и таинственно многообразна... Попытка объединить все человеческие субъекты под властью государства как единственного чудовищного собственника и подчинить всю экономик, одному центральному Разуму, который думает, что он умнее самой жизни, — эта попытка в конечном итоге направлена против самой основы бытия...

Иной раз приходится слышать, что наша революция и силы, которые затем победили на выборах, якобы обманули общественность, потому что скрыли от нее, что у нас должен быть обновлен капитализм.

Действительно, слово «капитализм» мы не употребляли, и я уже объяснял, почему не приемлю это слово до сегодняшнего дня. Но мы всегда подчеркивали — не только во время революции и перед выборами, а многие из нас и гораздо раньше, — что мы хотим нормальную рыночную экономик, Програма разрушения тоталитарной системы и обновления де-

мократии потеряла бы смысл и надежду на успех, если бы она отказалась от ликвидации основной детали этой системы, ее главной опоры и одновременно главной причины материального истощения — централизованной экономик.

Моя совесть в этом смысле чиста. Я знаю, так же хорошо, как и самые-самые правые, что единственным путем экономического спасения этой страны, ее постепенного восстановления, а впоследствии и подлинно экономического развития является как можно более быстрое обновление рыночной экономик.

По этому пути мы пошли и называем его (не очень точно) «экономической реформой». Принципы этой реформы сформулированы в правительственном сценарии, который одобрил парламент... Это результат общего согласия и прежде всего это выражение необходимости. Это единственная разумная альтернатива для страны.

Десятилетиями население подкупалось деньгами, которые в нормальных экономических условиях должны были бы быть инвестированы в новые технологии, развитие, энергетические накопления, углубление эффективности производства, повышение качества и конкурентоспособности товаров. То есть мы жили, как часто правильно подчеркивается, за счет будущего.

Теперь пришла пора платить по счетам. В виде так называемых жертв. Эти жертвы велики, еще больше нас ожидают. Они есть и будут настолько большими, насколько велик кредит, который все мы вместе взяли со счетов нашего будущего. Величина этого кредита прямо пропорциональна и глубине молчания, с которым мы принимали коммунистическую эксплуатацию будущего.

В наших общих интересах, чтобы наша реформа была принципиальной и быстрой. А если она будет половинчатой, продолжительной по срокам, то тем большими будут и жертвы, тем больше их придется приносить.

Мы только в начале пути. И это надо осознать.

Перевел Р. УРМАНЦЕВ,
соб. корр. «Труда».

ПРАГА.